

Как-то, еще по осени, я совершенно случайно очутился в отряде изыскателей, обследовавших Харампурское месторождение нефти, что на севере Тюменщины. И при первом же серьезном выходе в поле попал в крайне опасную и щекотливую ситуацию.

Впрочем, все по порядку. Дело начиналось весьма нестандартно. Я, будучи студентом четвертого курса, отгуляв летние каникулы, вернулся в институт и, как обычно, всем потоком готовился к поездке в колхоз на традиционное копание популярной на всю страну картошки. Поездки в те застойные времена на сельхозработы на упомянутый выше овощ в нашем вузе, да и не только в нашем, а по всему Советскому Союзу практиковались неустанно и ежегодно, были чуть ли не нормой и считались обязательной, образцово-показательной помощью горожан селу. Даже Высоцкий

никак в своем творчестве не мог ее обойти, писал и пел про нее любимую:

Небось картошку все мы уважаем,
Когда с солью ее намять.

Эта безвозмездная помощь погибающемуся тогда сельскому хозяйству широко пропагандировалась комсомолом, партией, правительством и предписывалась к обязательному и неукоснительному выполнению не только вузам, но и школам, предприятиям и другим, кроме оборонных, учреждениям. Посылали нас на две-три недели, а мы застревали там, как правило, на два-три месяца, другой раз батрачили до самых белых мух.

Только представьте себе: шлепать с работы, на работу по колено в вязкой грязи, жить на постое в задрипанном, грязном, продуваемом сарае или

в заброшенном клубе. Или, что еще хуже, у ветхой, немощной бабушки-старушки, у которой пол земляной, по углам паутина, из стен гнилые опилки сыплются, а то и вообще в подсобках коровников, свинарников вместе со скотом. Существовать без мытья, без бани, душа, ходить, спать в грязном, нестираном белье, отбиваясь от кусачих вшей, блох, дышать вонью от портянок, коровьих лепешек, смрадом от засранной уборной, жить в антисанитарных, в античеловеческих, так сказать, условиях. А когда уж совсем не повезет, то вкалывать на меже при зарядивших слякотных дождях, простужаясь, кашляя, сопливясь, заболевая ОРЗ, воспалением легких, туберкулезом, при способствующих этим хворям ветродуях, сквозняках, знобкому, сырому, пробирающему воздуху. И при этом жить под гнетом обязательного выполнения суточной нормы по выковыриванию из грязной, склизкой земли, складированию, гуртованию злосчастной картошки, крайне необходимой стране, колхозу, людям, скоту.

Кому это, спросите, приглянется, кому это надо, кто на такое с радостью сподобится?! Да никто, да никому не надо, разве что для отчета партийцам-коммунистам по выполнению плана, сидящим в тепле, не ступающим дальше двери своего кабинета. И, естественно, каждый студент искал повод отделаться, отбояриться от этих принудительных работ, от этой опостылевшей поденщины, от этого рабского, ничем не заслуженного ярма.

Вот и я, впрочем, не ярый противник сельхозработ, поскольку сам вырос в селе, не понаслышке знал, как колхозникам там живется, как им это все достается, но тоже смотрел на сторону, не настойчиво, не суетливо, но искал возможность избавиться от этой поденщины. Неожиданно и случай представился. Уже перед отправкой зашел я на кафедру геологии и разведки, и на глаза попалось объявление о срочном приглашении желающих на сезонные полевые изыскательские работы на Ямал в район Крайнего Севера. Я мигом подхватился — и к завкафедрой профессору Ларнину.

— Иван Федотыч, прошу вас, очень прошу, отправьте. Я готов в тайгу, в экспедицию, хоть сейчас...

— Постой, постой, ишь, приткий какой, — останавливает он меня и строго спрашивает: — Сначала скажи, как у тебя с учебой? Нормально. К-х-ммм. Ну а с полем как? Нет, не с картофельным, с геологическим? Знаком? Знаешь, что такое тундра, лес, болота?

— Да я их!.. Хм-хм... — на миг замешкался я, но тут же затараторил без зазрения совести, хотя тундру и не нюхал, и в глаза не видел: — Знаю, а

как же. Я же на Урале в тайге родился, вырос. Направьте, Иван Федотыч, не пожалееете.

— Постой, постой. Спешка нужна при ловле блох. К-х-ммм. А с инструментами как?! Тахеометр, нивелир, теодолит, бур, мотобур хорошо знаешь?

— Иван Федотыч, да я!.. У нас же это... ну, практика была, я все на отлично сдал, — совсем немного приврал я для убедительности. Пятерок-то не было, четверки одни, но приборы на самом деле освоил неплохо.

— Так-с, что бы еще спросить у тебя. К-х-ммм. А вот с огнестрельным оружием ты как? Там ведь, где отряд, зверей полно, места-то неизведанные, по ним впервые пойдете, вдруг нападет хищник какой?

— А как же, Иван Федотович, я с детства, можно сказать, с ружьем. Мне, когда еще в школу ходил, ружье дед Кучин подарил. Мировой старик, знаете. Так я с ним весь Урал вдоль и поперек... Мы с ним рядом жили и на заимке, и...

— Ну-ну, врать-то! — остановил он меня. — Весь Урал он... Весь Урал за всю жизнь не обойдешь. А вот что с ружьем, говоришь, на «ты», это хорошо. Что же, собирайся. Освобождаем, значит, тебя от сельхозработ и направляем в экспедицию. Смотри только, не осрамись там, институт не опозорь, в дело вникай, слушай полевииков, народ там бывалый, всему научат. Вот тебе на руки приказ, как, говоришь, твоя фамилия? А-а, знаю, а звать как? Владимир. Так и запишем, — вписал он мою фамилию и имя в заготовленный заранее документ и поставил размашистую подпись. — Поэтому приказу получишь в деканате командировку, а в бухгалтерии командировочные. А вот в этой бумаге — как доехать, к кому обратиться. Я начальника отряда в известность поставлю. Звать его почти как меня, Иван Федулч. Отряд-то туда недавно перебазировался и уже к работе приступил, так что не мешкай, собирай рюкзак в дорогу — и вперед, вдгонку, так сказать. К-х-ммм.

И вот я, пропилив на поездах без малого четверо суток, без особых приключений, если не считать «скоростного», прославленного в то время, рабочего поезда в конце пути, а именно из Ноябрьска до станции Пурпе, до расположения экспедиции. Не до самого конца, естественно, а только до того места, куда максимально железка была проложена. «Скоростного» я для смеха употребил. Поезд ехал, даже не ехал, а тащился, как беременная черепаха, ну от силы километров десять в час, каждому столбу кланяясь, на каждом переезде останавливаясь. Пропуская действительно скоростные, мчавшиеся, как ветер, то-

варные составы со стройматериалами, нефтяным оборудованием, техникой и прочими грузами. Шло великое освоение нефтяных богатств Севера Сибири.

Да и бог бы с ним, что тащился, а не ехал, беда в том, что в вагоне сесть было некуда, народу ехало тьма, набилось, как сельдей в бочку. Пришлось всю дорогу стоять, тесно прижавшись друг к другу, вдыхать вонь, запах пота, алкоголя, перегара от ехавших на работу вахтовиков, буровиков, геологов, всякой швали по паре, ворья, бичей и настоящей движущей рабсилы. Мат, скандалы, ругань, мордобой не утихали. Одна шарага, или компания, чуть ли не по головам шла, перетекала к другой, та к третьей, знакомились, делились, играли в карты, пили водку, пели, ржали, как лошади, курили, заполняя дымом едва ли не весь вагон. Затевали ни с того ни с сего разборки, кто круче, кто первей, кто больше. Дал, прошел, пробурил, добыл и так далее и тому подобное. Остановить скандалы, потасовки было некому, милиции еще не было, приходилось терпеть или, объединившись, самим разбираться с зачинщиками. В конце пути ноги не держали, и если бы не спины таких же, как я, горемык, давно бы оказался на заплыванном, в окурках и блевотине полу. Из Пурпе до отряда добирался частью на попутных, частью пехом, на 11-м, так сказать, маршруте — на двух ногах то бишь.

В отряде встретили хорошо, окружили, руку жали, спрашивали с юморком: «Как там на земле дела, войны нет, народ не мрет? Хрущ кукурузу всю посадил?» Я глядел на них во все глаза, думал, вот ребята смелые, ничего не боятся. А Вася

Ключин, известный в отряде балагур и выпивоха, перехватил инициативу, оттащил меня в сторонку и на полном серьезе спросил:

— Ну как, привез?

— Чего? — оторопел я. Я его впервые видел, а он?!

— Чего, чего? Не финти! Ты что, пацан, что ли? Что, не знаешь, что за приезд полагается? — чикнул он характерно себя по горлу.

— Ну-ка отцепись от него! — рявкнул неизвестно откуда вынырнувший начальник отряда. Васю как метлой смахнули, а начальник добавил:

— Ты его не слушай. Тот еще обормот, — и повел меня знакомиться с отрядом.

Как потом оказалось, отряд действительно состоял из опытных, в возрасте работников, я один молодой, неоперившийся салага — студент оказался, да еще молодка Инесса по профессии геолог, только что окончившая институт и впервые по распределению выехавшая на работу в составе изыскательской экспедиции.

Отряд разбил лагерь и обосновался на высоком берегу реки Харампур, что, для сведения, находилась в Таркосалинском районе Ямала. Место, в смысле природного ландшафта, было подобрано великолепное. Лагерь стоял на песке, со всех сторон его обступали богатырские, мохнатые сосны, ели, кедры. По земле стелились кустарники черники, голубики, ежевики, пушицы и ковром — мягко поскрипывающий, серебристый мох — ягель. Ступишь на него, как на пружинистую перину, а он скрип-скрип, жух-жух. Берег реки тоже песчаный, сухой, по откосу местами усыпанный пнями — выворотными, суковатыми стволами — «демонами». Река средней мощности, красива своими изгибами, излучинами, и хорошо, под самым боком, только не

ленься, спустишь по почти отвесно изготовленным сходням — и можешь купаться, плескаться, пить взახлеб речную, еще не замазученную чистую воду-водичечку. Не нравится речная — тут же по склонам били родники, в них вода еще лучше: холодная — зубы стыннут, прозрачная, что слеза ребенка, вкусная.

Жили изыскатели в заранее изготовленных строениях землянках. Только не совсем в таких, какие существует в нашем представлении: не целиком в земле то

есть, а наполовину. Полстены с окнами и крышей — на поверхности, а полстены с полом — в земле, и были целиком устроены из добротных свежесрубленных местных сосны, ели, кедра. Пол и потолок тоже выстланы ими, только распиленными вдоль на две части и уложенными лицевой частью наружу. Запах смолы и озона не уходил из таких полуземлянок-бараков (землянкой рука не поднимается назвать), стоял плотно, смачно, одуреть, не перенюхать, не насытиться.

В соответствии с тогдашней модой и молодостью я заявился в отряд в брюках клеш, подпоясанных широким офицерским ремнем, и в ковбойской широкополой шляпе с высоко и лихо загнутыми полями. Это привело встречающих к немалому изумлению и немедленному присвоению мне прозвища Ковбой. Что в дальнейшем послужило поводом к подтруниванию и незлобным насмешкам. Особенно преуспела в этом молодая только испеченная инженерша — геологиня Инесса.

Не скрою, что сразу при знакомстве я ее поделил и в дальнейшем уделял ей знаки внимания, даже пытался ухаживать. Инесса действительно была симпатична, тем более одна в отряде, и этого стоила. Она же, в силу недавнего получения ею красного диплома инженера-геолога, считала себя на голову выше какого-то студюса и не обращала на меня никого внимания, безмерно заносилась и доставала меня больше всех. Была она на удивление пропорционально сложена, стан, талия, ноги, длинная, по-лебединому изящно изогнутая шея — все говорило о ее породистом и благородном происхождении. Ей бы не в поле прозябать, а где-нибудь в столице балы-маскарады устраивать, быть львицей общества, а она здесь, в рутине, с грунтами, с землей возится. И вообще, казалось, она не для крайних, суровых условий Севера создана. И находится здесь как-то, мягко говоря, не по месту, не соответственно. Выглядит слишком знойно, и загар не ровный темный северный, а какой-то мягкий, гладкий, глянцево-шоколадный. Как она, где успела такой загар заполучить, не мог понять я, знал, что она с начала лета в экспедиции, ни на какие юга не ездила. Кожа, что ли, у нее какая-то особенная? Глаза тоже необычные, как у столбовой дворянки, что ли, — пронизывающие, завораживающие, губы сладкие, строго очерченные, страстные. В общем, чего долго говорить, красавица, и грех было в такую не вторгаться, и ей все, не исключая и наших женатиков, симпатизировали, подбивали клинья, тайно вздыхали по ней, хотели понравиться. Она знала о своей неотразимости и вела себя по от-

ношению ко всем несколько снисходительно, но ровно, а ко мне, как я уже говорил, больше высокомерно, чем снисходительно. При каждом удобном случае шпыняла, обращалась как с маленьким, называла то поддельным, неправдоподобным ковбоем, то незаменимым речником. Это потому, что начальник мне пока только рейку и доверял. Хотя всем известно, что рейку таскать ума не надо, любой дурак справится. Что же тут сделаешь, чем я мог ее заставить себя уважать, если мне по первости никаких серьезных инструментов не доверяли?

— А где же ваш «смит энд vesson»? — на первой же встрече всерьез, пряча свои горячие, лукавые глаза, спросила она, обращаясь явно с издевкой ко мне, неоперившемуся, на «вы». — Потеряли? Ах, ах! Без него ну какой вы ковбой. Нет, не тянете. Не настоящий, поддельный такой.

Единственно, начальник Иван Федулывич тепло и без всяких подначек относился ко мне, поддерживал, а бывало, другой раз, я слышал, как он даже ворчал про себя на геологиню:

— Ну на какой хрен мне ее навязали? Она мне тут всех мужиков с пути истинного собьет. Начнут еще из-за нее отношения выяснять, чего доброго, до драки дойдет.

Меня он особо не загружал, часто, отправляя всех в поле, меня оставлял в лагере на дежурстве, но если и посылал на съемку, то к приборам все равно, как я говорил, не допускал. Вероятно, вполне справедливо считая, что практикант должен начинать с азов и пройти от начала до конца все стадии полевых работ и полевой лагерной жизни.

— Не торопись, успеешь еще, — охлаждал он мои наскоки и требования дать мне настоящий топографический инструмент и поставить на настоящую ответственную работу. — Какие твои годы. Смелешь и уедешь, все пройдешь, все успеешь. Походи с ребятами, присмотрись, повникай, как они снимают, какие тонкости в их работе, наберись опыта, а уж тогда...

На самом-то деле, я думаю, речников в отряде не всегда хватало, вот мной он и затыкал дыры. И чтобы как-то умаслить меня, выдал мне одноствольное ружье двадцатого калибра и патроны к нему.

— На вот, я слышал, ты с ружьем на «ты»? — посмотрел он на меня внимательно, прицельно. — Обращаться умеешь?

— Кто вам сказал? А-а, наш завкафедрой Иван Федотыч.

— Неважно, кто, важно, что умеешь, показывать, объяснять не надо, что это оружие огнестрельное, что с ним не шутят. К сожалению, это

все, что осталось, лучшего нет. Ребята-поисковикам карьеров карабины отдал, они далеко уходят, бывает, и с ночевкой, в нехоженных местах остаются. Им нужней. Но и это ничего еще, если что, самый раз. Для самообороны тоже и для охоты на дичь подойдет.

— Зачем он вам, этот допотопный винчестер? — увидев меня с ружьем, тут же не удержалась, поддела меня Инесса. — Носите для вида только... — смешно задрала она нос кверху. Прикоснулась с нарочитой опаской к ружью, мордочку кисло скорчила. — Так оно, наверное, музейное, видите, какое допотопное — раритет.

— Зачем вы?! Для защиты оно и для охоты, — не стал я ей отвечать остротой на остроту, сказал серьезно.

— Им защищаться? — презрительно скривила губы она. — Оно небось и не стреляет. Бойки-то, должно, сношенные. И от кого здесь защищаться. Все звери как узнали, что вы приехали, так и разбежались.

— От медведя, например. И зря вы, я пробовал, оно почти без осечек бьет.

— «От медведя»? — протянула с иронией она. — Скажете тоже! На медведя серьезный ствол нужен, а с этим только на воробьев ходить. — Повернулась спиной и пошагала, раскачивая, наверное, специально, чтоб задеть меня, своими широкими бедрами, в свою полевую отдельно стоящую грунтовую лабораторию.

«Ну стержочка, вот стержочка!» — скрипнул зубами я, одновременно с восхищением, похотливо смотрел ей вслед, на ее вихляющую попку.

Однако как бы меня начальник ни умащивал, я все равно рвался в поле, на самостоятельные инструментальные работы, всем доказать хотел, а особенно Инессе, что я не только могу рейку таскать, но и приборы знаю. Наконец дождался своего часа, пришел мой день. Как-то, после почти месячного вкалывания без выходных-проходных, Федулыч смилостивился и объявил всеобщий выходной.

— Мужики, — сказал он, — вы ударно поработали. Последнее время вообще без отдыха. Поэтому заслужили. Завтра объявляется выходной. Всем спать столько, сколько влезет, днем отдыхать, отъедаться, одежду, белье приводить в порядок. А вечером посиделки у костра, как водится, с гитарой, с песнями.

— А наркомовские сто грамм для настроения? — не удержался, задал волнующий всех вопрос все тот же Вася Ключин.

— Будут тому, кто план выполняет, — отпарировал Федулыч. Вася-то в хвосте тащился, по-

стоянько глядел на сторону, соображал, как бы с полевых работ улизнуть, в ближайший магазин за спиртным сбежать. — Ладно, ладно, не переживай, и тебе нальем, если реабилитируешься. Если споешь нам что-нибудь этакое душещипательное.

Вася-то хоть и пил, но петь умел, так пел, что за душу брало, до самых слезных струн души пробирало.

Про него, про «анкаголика», рассказывали, что он как-то, работая на съемке в тундре, ненца — местного жителя встретил. Что большая редкость — аборигены предпочитают стороной неизвестных людей обходить, особенно полевииков, геологов, топографов, поскольку в первое время в таких экспедициях люди работали разные, в основном срок тюремный отбывшие. И этот хотел улизнуть, да Вася понял его замыслы и задержал:

— Э-э, братан, стой! Канай-ка сюда. Канай, канай, говорю. Здорово, братан, — остановил Вася (бывший зэк) ненца и тут же про выпивку вопрос задал. — Подскажи, братан, где тут у вас магазин близко? Такой, чтоб водка была.

— Ань торова, луця (русский), — ответил на приветствие приветствием ненец. — Магазина? — почесал он голову. — Близка чтоба? Э-э-э... А-а-а, моя знает, пайдешь, случай, по тундра пряма. Вон до таго леса, — показал он на чуть темнеющую лесную полосу, едва просматривающуюся вдаль. — Повернешь, случай, налева и увидишь солнца и пайдешь на солнца. Тама, случай, и магазина с водкой, и чифолона, случай, многа, ах-ах крепкая чифалона какой.

— Недалеко это?

— Не далека, не далека. Близка.

— Сколько идти?

— Та-а, — незначительно махнул ненец рукой, как будто от комара отмахнулся. — Всего, случай, два-три луна бутет.

Вася-то с тяжелого похмелья, он посчитал, что ненец ни с того ни с сего про луну чего-то заговорил — ерунду какую-то молотит. Разве на небе бывает несколько лун — чушь собачья! Для Васи другое важно, то, что ненец сказал «Не далека» и ориентир дал, куда идти, где взять. Все-то, если признаться, невмоготу уже было, душа-то горела, и Вася подхватился — и бежать. Потом его всем отрядом две луны искали.

Федулыч, значит, объявил выходной, а я с вечера к завтрашнему дню готовиться втайне от всех начал. Патроны зарядил, ружье почистил, ушел подальше от лагеря, пристрелял его, тахеометр для съемки подобрал, треножник, рейку. Утром поднялся рано — чуть свет, еще только ночь сереть начала. Упаковал в рюкзак то, что бывалые

геологи называют четыре «с»: сахар, соль, спички, сухари, ну и кружку с ложкой, естественно. В лодку-обласок топографический инструмент — тахеометр, треножник, рейку, — ружье, рюкзак сложил. Надо сказать, что в отряде было две лодки: одна большая — целый баркас, с мотором дизельным, другая средняя, легкая на ход — местного изготовления, так называемый обласок. Мы его только немного усовершенствовали, вместо одного весла сделали два с уключинами и родное не выбросили, про запас оставили. Я, естественно, выбрал обласок, поскольку баркас заводить надо было, значит, шуметь, будить народ, что не входило в мои планы. Только упаковался, вспомнил, что от волнения патронташ забыл, повернул в землянку — и тут неожиданно дорогу мне заступает госпожа геологиня, собственной персоной, так сказать.

— Вы куда это так рано намылились? — задает она мне провокационный, с ехидцей вопрос.

— Куда, куда. На кудыкину гору, снимать верблюда, — отвечаю ей сердито, а сам про себя думаю: «Не хватало еще бабе сказать — куда. Это же весь отряд будет знать». Я-то намеревался без разрешения, тайком уйти, а она еще возьмет и в пику мне побегит начальству доложит. Кто знает, что у нее на уме, какая она? И погорело тогда мое предприятие.

А она нет, совсем по-другому поступает, она неожиданно для меня заявляет:

— И я туда же. Куда ты, на эту же гору, за тем же верблюдом, — нагло так заявляет и в лицо мне насмешливо смотрит.

— Куда, со мной, зачем? — ошарашенно ей отвечаю. — Никого мне не надо. И откуда ты взяла, что я куда-то собрался?

— Взяла, знаю, не проведешь. Еще вчера заметила, как ты, от всех прячась, собирался. На съемку, должно быть.

«Вот прохвостка, вот стервочка, ничего от нее не скроешь», — подумал с раздражением, а вслух сказал: — Ни на какую ни на съемку. С чего ты взяла? Прокатиться просто, поохотиться.

— А зачем инструменты в лодку сложил? Не юли, я все видела. И кто тебе в таком случае будет рейку таскать? — прищурилась хитро она.

— Да-а, — зачесал я голову. — Огорошила ты меня! Действительно, кто? Я об этом и не подумал. Ну что же, тогда поедем. Куда от тебя денешься. Лиса-хитрованка. Только не унизительна ли будет геологине работа простого речника?

— Не унизительна, не унизительна. А ты что думаешь, я буду только рейку таскать? Нет, милый, я и тахеометр освоить хочу. Так что будем

по очереди, Сначала ты, потом я. Надеюсь, не откажешь. Поучить меня, несмышленную, этому делу.

— Конечно, естественно, никаких возражений! — с радостью воскликнул я.

Как только представил, что я, простой, в общем-то, студийус, стою близко-близко, склонившись голова к голове, с неотразимой геологинею, вдыхаю свежесть ее волос, запах шелковой кожи, аромат ее духов так, что от счастья кружится голова, так и слов к возражению не осталось. — Только тихо давай отчалим, без шума, а то разбудим кого-нибудь — и тогда плакали наши планы.

— А ты почему сегодня без шляпы? Ковбой без шляпы не ковбой, — не удержалась и здесь поддела меня.

— И правда, — схватился я за голову. — Все второпях позабывал. Ладно, иди в лодку, я сейчас. — И тут же, уж про патронташ не говоря, нырнул обратно в полуземлянку, разыскал шляпу, нахлобучил ее на голову, надел патронташ и поспешил на берег, к лодке. Инесса уже уселась в нее, не на весла, конечно, а, как и подобает геологине-герцогине, на привилегированное место — на корму.

— Надо бы наоборот, — высказался я нарочито с укором, сам садясь за весла. — Мне же стрелять, добычу высматривать, на веслах-то не до этого будет.

— До этого, до этого. Хороший ковбой должен все успевать, — парировала она.

— Ладно, погнали. Высматривай тогда дичь сама, — не стал я отвечать уколами на укол. — Если что, дай знать. И тоже без лишнего шума, у живности хороший слух. Вот тут на полке резервное весло есть, если захочешь, можешь помахать им. Впрочем, помощь едва ли потребуется, мы же по течению пойдём. Река поможет.

Река Харампур, кто не знает, неширока, зато могутна, быстра и вельми глубока, со всевозможными островками, плесами, косами, вода в ней хотя и чистая, но, как правило, темная, чему способствуют расположенные в ее пойме и террасах обширные торфяные болота. По обоим берегам ее стоит смешанный лес из могучих лиственниц, кедров, елей, реже сосен, а также осин, берез и прочих ивовых кустарников и деревьев. Откуда в такой сравнительно небольшой по северным меркам реке сила и могутность, понять невмочь. Даже не в половодье, а в рядовые осенние дождливые дни, например, несет она, бывает, на своей спине, выворачивая с корнями из берегов, такие лесины, деревья, острова целые, что диву дивишься: лесины в два-три обхвата, с суками в

ствол. Кажись, живыми суками-то: вертящимися, шевелящимися, шипящими. Схожими с огромными щупальцами осьминогов, готовыми в любую минуту прихватить зазевавшегося плавуна, перемолоть, перекромсать, изничтожить. А утром она как хороша — и не своей мощью, напором, а веселостью, игривостью от тысячи тысяч зеркальных зайчиков, селящихся в нее от восходящего, брызжущего золотом солнца. Они, зайчики-то, резвятся, как живые, скачут в воде наряду с рыбками, рыбами, вместе с их серебром прыгают в глаза. Сверкают фейерверками, бьют снопами искр. Яркими вспышками спелят. А по берегам что делается, что делается — бабье лето же, осень полнокровная, во всю мощь развернувшаяся. Лес стоит, как цветной ярко-пестрый ковер, разукрашен золотом, багрянцем, кровяными, кумачовыми мазками и чудом сохранившейся на кустах, кустарниках зеленой зеленью.

Сели, значит, в лодку мы, распределили обязанности и пошли вдоль по течению. Геологиня Инесса жмурится сладко, улыбочиво на солнце, как кошка на сметанку. Жадно, взалхлеб созерцает прелести природы своими горячими, зажигаемыми глазами и не думает высматривать дичь, тем более братья за весло — натирать, намазывать белы рученьки. Не панское это дело, считает. Я хоть и гребу, но время от времени на берег посматриваю, вдруг какая животина или птица промысловая вылетит, выбежит. К нашему столу нелишняя будет, а то в последнюю неделю надоели каша да макароны, макароны да каша. С тушенкой просчитались что-то, быстро кончилась. Так мечталось мясцом разжиться, попотчеваться, что едва ли не снилось, грезилось, как приношу я с охоты в лагерь целого лося или, на худой конец, оленьку северного. Как ребята, коллеги мои смотрят на меня восхищенно и восклицают: «Вот это да, вот это ковбой! — говорят. — Настоящий», — и по спине дружески хлопают.

Идем по течению, значит, любимся природой, за дичью следим. Вдруг слышу шлепки по воде, да такие громкие, неожиданные в утренней тиши, что вздрагиваешь. Наверное, думаю, нельма, она в этих краях здоровая встречается, я узнавал — с акулу маленькую бывает. Другой раз, с дури, как даст по воде, так невольно на сиденье подпрыгиваешь, думаешь, не иначе кит в воды северные зашел. Интересно жуть как стало, налег на весла, пошел на шлепки, зашли за поворот, издали смотрю с левой стороны — недалеко от берега гора, что ли, какая-то бурая из воды торчит и время от времени машется то ли шапкой своей меховой, то ли ручищей-выступом. Присмотрел-

ся, когда поближе подошли, — никакая не гора, а медведь огромный, рыбу ловит. Высмотрит рыбку — как даст лапой по воде. Оглушит, из воды вытащит и на берег рыбку выбросит, и по новой, еще усерднее охоту продолжает.

Неправ, однако, был Владимир, это не медведь был, а медведица, и довольно крупная для самок этого вида, и к тому же медведица — мать двух медвежат мужского пола, но небольших — этого года — щенков еще. И одна, еще раньше, до того, как на реке появились люди, она обычно с медвежатами на речку ходила рыбку ловить. И щенков поучить этому, а заодно дать им в реке поплежаться, порезвиться, почудить — самое то, самая радость. А тут люди, то есть геологи-изыскатели, на речке встали, и что ни день — по воде туда-сюда, туда-сюда на большой лодке с мотором, грозно, шумно тарыхтящим, солярой воняющим ходят и ходят. Она и остерегаться стала, мало ли что, они же при карабинах, она-то жизнь прожила, знала, что такое ружье огнестрельное, возьмут и перестреляют ее кровь, ее несмышленишей. Они же человека не знают, не понимают, подставиться из-за одного любопытства только могут, люди-то ведь разные, есть такие, что и родную мать не пожалеют, не то что каких-то зверят-малышат. Возьмут и не пожалеют. Вот и не стала их с собой на реку брать, раным-рано, пока щенки еще спят и у людей пока баркасы не заведены, она поднимется — и на реку. Наловит рыбки, сама наестся и щенкам принесет. Щенкам-то, правда, рыба для забавы больше, для баловства, они материное молоко больше любят, но все равно пускай знают, чем будут без матери, если что, кормиться, что промышлять. Пососут малыши молока — и пошли, покатались по лесу шнырять, сладку ягоду малину на десерт искать. Если нет малины, не уродилась если, или не растет поблизости — не беда, черника с голубикой, ежевикой тоже ягода хоть куда.

— Медведь, вон медведь! — меж тем я шепчу Инессе. — Садись на весла, я сейчас его достану. Наконец-то с мясом будем.

— Я сама вижу, — тоже шепчет она. И молодец какая, без лишних слов и возражений садится на мое место за весла и испытующе глядя мне в глаза, спрашивает: — А не забоишься?! Вдруг промажешь?

Даже в такой тревожной ситуации не удержалась от подначки. Вот натура, до чего же стержовная. Вместо того чтоб самой по-девчоночьи испугаться, заскулить, меня от безрассудства

броситься отговаривать (медведь как-никак зверь большая и хищный), она мне «зубы скалит».

— С твоим двадцатым калибром небошь и шкуру этому великану не пробить.

— Пробьем! — я как можно увереннее ей отвечаю, хотя и сам сомневаюсь, мелкогато, действительно, ружье-то на такого зверя. — Ты поближе к нему гребь, на метров тридцать-сорок подойти надо, чтоб бить наверняка. И без шума гребь, весла из воды не вытаскивай, — распоряжаюсь я, вошел в раж, растопил азарт, меня уже не останавливать.

Медведь поднял голову, посмотрел на нас, показалось, с презрением, ничего, видимо, опасного для себя не обнаружил (ружье-то я до времени не показывал), что ему молоденькие, незаматеревшие отпрыски, при этом одна из них баба, или девушка еще, и как ни в чем не бывало продолжал заниматься своим делом.

— Придержи чуть! — шепнул я Инессе, когда посчитал, что подошли к зверю достаточно.

Поднял ружье и шаранул. Выстрелил и рот разинул в полной уверенности, что попал, что сейчас медведь завалится. А он мне — накосил выкуси! Поднялся на дыбы да как рявкнет на весь лес, прыг в реку — и за нами. Да быстро так, не хуже торпеды. Видать, только ранил его, а раненый медведь — хуже некуда, такой злой, такой мстительный становится, что не приведи господи!

— Гребь-и! Уходим! — кричу я Инессе, сам — ружье перезаряжать, а руки не слушают, трясутся, испугался вусмерть — вдруг догонит.

Никак патрон в ствол дослать не могу. Запихал кое-как, начал выцеливать, а ружье в руках ходяном ходит, навести на цель не получается, и медведь попался хитрый, плывет, как классный брассист, то на поверхность вынырнет, то под воду уйдет. Пойди тут поймай его на мушку. Кое-как унял дрожь, собрался, посчитал на разы, то есть высчитал время, сколько он под водой держится и на выныривании, нажал на курок. Однако выстрела не последовало — осечка, мать ее! В чем дело, понять не могу, патроны-то сам снаряжал, все — и порох, и капсюль дотошно досматривал. Все было качественное, все свежее, ружье, видать, старое — бойки и вправду подносились. Еще раз взвел курок, спустил — то же самое — осечка! А медведь уже близко, вот-вот лодку прихватит.

Бросил ружье на дно, схватил весло, начал остервенело им воду загребать, Инессе помогать, чтобы от зверя, от расправы уйти, да не тут-то было. Вначале-то чуть даже оторвались вроде, но и медведь наддал и настигать нас начал. Вот-вот

зацепит когтями и опрокинет нашу лодочку. Тут я, на счастье, вспомнил, что в таких случаях надо зверю что-нибудь из одежды бросить, и он отстанет. Сдернул с головы шляпу свою любимую ковбойскую и, хотя жалко было, но в таком положении не до жалости, бросил в его разъяренную пасть. Он не побрезговал. Как начал мою бедную шляпу рвать, кромсасть и рявкать одновременно, что у меня, хотя и не меня на куски рвали, поджилки затряслись, печень опустилась. Пока рвал метал, мы немного снова от злодея оторвались. Инесса-то наша, спасибо ей, молодчина девочка, не робкого десятка оказалась, не опустила руки, не рассопливилась, не расплакалась (чего всего больше боялся я), а махала веслами и махала без устали. Вероятно, механизм самосохранения сработал или внутренние резервные силы пришли на помощь. В экстремальных ситуациях такое случается, когда через Рубикон, когда выбирать приходится, жить или умереть, силы удесятятся. Шляпу отдал на растерзание и возрадовался: отстал вроде, бросил нас зверюга. И мы в уме перекрестились, вздохнули поглубже, облегченно, Бога добрым словом помянули, что не дал зверю нас сожрать, уничтожить. Ан нет, медведь увидел, что мы уходим, и опять наддал, и опять расстояние от нашей лодки до него стало сокращаться. Вот ведь сильная до чего зверина, нас двое, а он один, а плывет скорее нас — не хуже рекордсмена.

— Володя! — закричала громко геологиня. — Володя, надо нам против течения идти.

— Зачем? — не сразу врубился я. По течению-то удрать не можем, а уж против-то тем более. Балбес я, не принял в расчет законы физики.

— Володя, он же полтонны, ему течение плыть не даст, а мы против него даже с лодкой тыфу Сотню не потянем.

«Вот умница, вот что значит инженерша!» — дошел до меня ее маневр, и я не столько ей, сколько себе скомандовал:

— Разворачиваем!

Развернули лодку, пошли наперерез ходу зверя в надежде, что проскочим, что не успеет он нам перекрыть дорогу. Не проскочили, не успели, каких-то двух-трех секунд не хватило, чтоб его с носом оставить, а он вот, в двух метрах от лодки вынырнул. Я на этот раз уже не растерялся, хотя озноб по спине ходил, волосы от страха дыбом стояли. Понял, что сейчас-то он нас, как пить дать, прихватит, и, еще не зная, повезет ли второй раз, на автомате воспользовался уже имеющимся способом избавления — бросил в его пасть рюкзак с четырьмя «с». Ярость медведя, что мы прямо из

пасти его, как ужи, вывернулись, была настолько велика, так его разум ослепила, что он и в этот раз, вместо того чтобы нас «приласкать», принялся с удвоенным рвением и злобой рюкзак рвать, кромсать и реветь, рывкать так, что наша лодка, казалось, от страха подпрыгивала. Мы воспользовались его усердием, и прямо около носа проскочили, и пошли, налегая на весла, обратным ходом по реке. Медведь увидел, что мы опять обхитрили его и удаляемся, бросил рюкзак, вернее, все, что осталось от него, и с удвоенной энергией — за нами. Да не тут-то было, расчет Инессы оказался верным, мы помаленьку-помаленьку, но стали отрываться от него. Зверюга понял, что нас таким манером не догнать, — и к берегу. Мы перекрестились в уме вторично, вздохнули облегченно, подумали, что отстал, даже грести, не очень налегая на весла, начали. А он на косу выскочил и наметом — по берегу, в ту сторону, куда и мы шли или откуда пришли. Зачем, почему сначала мы с Инессой не поняли? Но вскоре разъяснилось все: он обогнал нас и опять прыг в воду и вплавь — нам навстречу. Вот хитрец, вот умник — вода не помогла, так берег, чтоб нам все пути перекрыть, использовал.

— Инесса, милая, наляжем, он нас опять достанет, как есть достанет. Все, гад, рассчитал. Вот и скажи, что у них ума нет.

И хотя силы были на исходе, мы опять налегли на весла. Гребем, значит, изо всех сил, а этот вражина приближается, и надо же, точно рассчитал, что через два-три гребка опять у лодки оказался, опять изготовился за борта ее ухватить и опрокинуть. Бросать ему в лапы уже было нечего, и я, мысленно уже похоронив себя, машинально, пулей содрал с себя казенный бушлат-спецовку и, ни на что не надеясь, кинул ему на растерзание. Думал, такого умницу третий раз на одном и том же вряд ли проведешь, а ничего, сработало — спецовочка к месту пришлась. То ли она провоняла мной, то ли страхом моим пропиталась, но зверюга ее принял на ура. Так кромсал, разрывал, рвал, так ревел, выл, что берега дрожали. Так рывкал, изничтожал, что и я, будучи, к примеру, в его лапах, такого приема вряд ли бы удостоился. Ну, мы, естественно, опять этим воспользовались, проскочили около него, ушли, так сказать, от верной смерти. Зверюга увидел, что мы опять его обхитрили, опять на мякине провели, и снова — к берегу, повторять тот же маневр, выскочил на него — и махом-махом, вдоль него, в ту же сторону, куда и мы на лодке идем. Вот ведь настырный какой, прицепился, не отстанет и наверняка преследовать будет, пока нас не прищучит, не слопают. А нам

что остается — только грести, а силы-то уже на исходе, кончились, нет их, на руках мозоли кровавые, в глазах страх и предчувствие неизбежности кончины. Но не сдаемся, плывем, не знаю уж на каких ресурсах, на каких силах, на честном слове, должно быть.

И вдруг — слышим мотор впереди вроде как рокошет, и, похоже, нашего баркаса мотор. Уж я-то его звук, дожидаясь с поля ребят, изучил, знаю. Тут как раз по пути излучина, мы по ней обошли мысок — и смотрим, точно, нам навстречу наш баркас движется. Спаслись, выходит! А не верилось. У нас от счастья, от переживаний и руки опустились, слезы на глазах, от переполняющих чувств кричать, орать, плакать хочется, а рот открыть сил нет. Но в голове свербит все же мысль трусливая: а вдруг мишка из-за своей злопамятности и ярости лишился разума — страх потерял и все равно, несмотря на баркас, нас преследует. Посмотрели на берег в надежде, что мишка от нас отстал, бросил, — а его и правда нет нигде, звать, баркас услышал и затаился, себя от невыполненной задачи — нас покромсать — поедом съедая. Естественно, затаился, ребята-то изыскатели без карабинов в поле не ходят. А он, поди, не раз наблюдал их с оружием, слышал, как они бабахают, и наверняка знает, что оружие-то — оно смертельное.

Ребята как обнаружили, что нас в лагере нет, как услышали выстрелы, так сразу забеспокоились. Из-за меня-то, предполагаю, меньше всего, из-за геологини — это уж точно, это к бабке не ходи. Ее-то, напоминаю, все готовы были на руках носить, а уж из беды выручить, если в нее попала, так всяк вперед каждого. А то, что она в поле ни разу не бывавшая, со мной, с молокососом, в беду попала, почему-то сразу, без разногласий, все решили. Пошли к начальнику, он и разрешил баркас взять, версию о попавших в беду молодых сотрудниках проверить и помочь, если потребуются. И прав оказался.

Словом, подобрали они нас, выслушали наши сбивчивые речи и, зарядив карабины, — к берегу поближе, на перехват зверя. А медведица шум мотора услышала и недалеко от берега в кустах затаилась, об отмщении забывая и не думает, внутри-то горит все, рана в плече тревожит, яростью наполняет, забыть о поганых людишках не дает, рассчитаться сполна с ними требует. Тут, на беду или во благо, медвежата ее, выстрел услышав, проснулись и то ли из любопытства, то ли чтоб укрыться, спрятаться, по следам нашли мать и под крыло к ней с обрывчика скатились. Она их — провожать с опасного места подзатыльни-

ками, они и пищат, скулят, но далеко от матери не уходят.

Мужики в это время на баркасе, на веслах, двигатель заглушив, вдоль берега потихоньку крадутся, медведя высматривают.

— Вон он! — самый зоркий Вася Ключин зашептал, пальцем на гору черно-бурую показывая. — Цельтесь! — Но тут же закричал во весь голос: — Стойте! Стойте! Это же не медведь, а медведица. Она с медвежатами уходит. Смотрите! Вон впереди нее два медвежонка, с собаку всего. Медведица-то их поздно родила, видать, в апреле, вот они и запаздывали с развитием, не успели в телков превратиться.

— Как же ты так, Володя? — меня начальник, когда, охоту прекратив, мал-мал отошли все, успокоились, спрашивает. — Смог на медведицу ружье поднять? Она же с детьми, им потом что делать — умирать? Эх ты! Горе-охотничек, — пристыдил он меня.

— Я-то при чем, я же не знал, что это медведица, я ее за самца принял. Хотел мясом разжиться, для вас же старался, — оправдывался я перед всеми. — Не верите, вон у Инессы спросите.

— Правильно она тебя чуть не съела. Зачем ранил? — не удержался-поддел меня выпивоха и весельчак Вася Ключин. — Мы-то, дураки, зачем вышли, зря только соляру сожгли. Пускай бы природа распорядилась, кто кого и за что... — рассмеялся беззлобно он. — По мне так, если решил зверя стрелять, то точный расчет надобен — и в цель так бить, чтоб наверняка.

— Уймись! — одернул его начальник. — Ему и так, вижу, несладко, тут ты еще, как муха назойливая, жужжишь. Сам-то забыл, как в штаны наложил, когда их в лагере встретил. Потом еще, когда отстирывал, долго по реке вонь шла, — при-

гвоздил он выпивоху под дружный хохот ребят-зыскаателей.

Вечером у костра все тот же неунывающий весельчак и выпивоха Вася Ключин, конечно, после того как начальник Федулыч угостил его обещанными «наркомовскими», взял гитару и под шумок накрапывающего, ублаживающего дождя и падающих с тихим шорохом листьев задушевно запел:

Сырая тяжесть в сапогах,
Роса на карабине.
Кругом тайга, одна тайга,
А мы посередине.
Письма не жди, письма не жди,
Дороги отсырели.
Идут дожди, одни дожди.
Четвертую неделю.
Пятнадцать лет и двадцать лет
Судьба наша такая.
Медвежий след, опасный след
Тропу пересекает.

Вася пел про нас, геологов, про нудный, осточертелый дождь, про медвежий опасный след, а я с содроганием вспоминал про нашего медведя-медведицу, которая сегодня чуть не навечно пересекла наш жизненный путь, вспоминал и дивился ее уму и расчетливости, которых в природе вряд ли у кого еще встретишь.

Дивился и на вторую умницу — геологиню нашу, которая не дрогнула и в опасной ситуации нашла путь к спасению. Которая сегодня устроилась рядом со мной и, жарко глядя мне в глаза, не называла меня иронически ковбоем, а говорила нежно и ласково: «Володя, Володенька!» А я, не смотря на все это, называл ее, хоть и тоже ласково, но по-прежнему «стерва, стервочка!», но уже в хорошем смысле слова.